

УДК 821.161.1-1

АНТРОПОСОФСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА И АНДРЕЯ БЕЛОГО

С. М. Пинаев

Российский университет дружбы народов
кафедра русской и зарубежной литературы

В статье рассматриваются повторяющиеся мотивы и символы, структура и тайный смысл ряда стихотворений М. Волошина и А. Белого. Особое внимание уделяется антропософским пристрастиям, которые на некоторое время сблизили художественные миры двух поэтов.

Ключевые слова: антропософия, символ, тайный, вселенная, дух, история.

Творческие судьбы М. Волошина и А. Белого пересекались неоднократно. Одним из самых знаковых подобного рода «пересечений», вероятно, следует считать антропософские пристрастия, которые во многом определили и сблизили художественные миры двух поэтов. Впрочем, не только сблизили...

М. А. Волошин не был поэтическим иллюстратором каких-либо теорий или учений. В «час таинственных наитий» он ощущал «И терпкость прошедших столетий, / И едкого знания сок». Он «слышал» «гул идущих дней» и постигал «откровенье вечной красоты». Эти знания и ощущения отнюдь не вливались в стройную устойчивую систему. Творчество Волошина представляет собой духовные искания поэта, в меньшей степени – философа. Его сознание – это «сонное» сознание поэта-ясновидца, совлекающего покров «Со всего, что в формах, в цвете, / Со всего, что в звуке слов». «Вечные поиски истоков» приводят Волошина к антропософским откровениям, которые в значительной степени определили «период больших личных переживаний романтического и мистического характера», а также наложили заметный отпечаток на его творчество. Разумеется, заметную роль в формировании мироощущения поэта сыграл Р. Штайнер, интерес к работам которого впервые проявился у Волошина в сентябре 1905 г. (поэт миновал рубеж 28-летия), хотя к «обоснованию и обобщению» своих антропософско-поэтических наитий, как явствует из письма Волошина к Ю. Л. Оболенской от 21 октября 1913 г., он пришёл сам. Близким поэту был тезис Штайнера: антропософия – путь познания, сориентированный на приведение духовного в человеке к духовному во вселенной. Впоследствии Волошин выразит своё критическое отношение к антропософии, но это будет, скорее, протест против штайнеристов (как людей, «изнасилованных истиной»), чем против самого Штайнера (у Волошина – «Штейнера»), к работам и формулам которого поэт, по его словам, «всё же возвращался».

Тяга к антропософии как бы растворяется у Волошина в его увлечении оккультными науками, эзотерикой. Весной и летом 1905 г. поэт активно общается с теософом А. Р. Минцловой. Их встречи сопровождаются изучением руки художника и беседами об оккультизме. Волошинская знакомая всячески подогревает его антропософские пристрастия. Не без содействия своей духовной наставницы поэт проходит «мистерию готических соборов» (июль 1905). Примерно тогда же Волошин читает масонскую литературу, изучает «Каббалу». 22 мая, после приёма в «Великую ложу Франции», он становится масоном. «Интерес к оккультному познанию был

настолько велик, – отмечает художник в “Автобиографии”, – что совершенно отвлек меня от русских событий 1905 г. и удержал... вдали от России» [3, с. 38].

Следует отметить, что антропософские мотивы в творчестве поэта далеко не всегда звучат в «чистом» виде, что они чаще всего вливаются в более широкую эзотерическую ауру. К тому же – поэтически переосмысляются. Так важнейший антропософский постулат – блуждание в звёздных коридорах вечности и перевоплощение человеческого «я» – воспринимается Волошиным как утверждение торжества и бессмертия духовного начала, превозношение личности в её божественной ипостаси: «И не иссякнет бытие / Ни для меня, ни для другого: / Я был, я есмь, я буду снова! / Предвечно странствие моё» («Я верен тёмному завету...», 1910).

Мистические пристрастия Андрея Белого изначально проявились в утверждении принципа теургии (статья «О теургии», 1903), понимаемой им как «способность религиозного делания» (то, что С. Булгаков вслед за Вл. Соловьёвым связывал с активностью софийного преображения мира). Как поэт А. Белый нашёл выражение импульса магической теургии в образе аргонатов («Аргонаты», 1903), устремляющихся «за солнцем, свободу любя», «в эфир голубой». Поэт, в понимании А. Белого, «борясь с упдающим мраком», преодолевает время и пространство, постигая и «безумье миров» и «полёт столетий» («Поэт», 1903). Его устремления надмирны. Его «обитель» не совпадает с земной системой координат: «Тихо замрём / Грустны и немы. / И не поймём – / Где мы. // Белый атлас... / Свод полнозвездный... / Приняли нас / Вечные бездны» («Туда», 1904). Уже здесь намечена почва для восприятия антропософии как системы тайного знания о гиперфизическом мире человека и тайнах Вселенной, духовной науки, которую Н. Бердяев предпочитал называть «космософией».

Андрей Белый встретился с «личностью доктора Штайнера», как пишет он в своих воспоминаниях, в 30-летнем возрасте (встреча А. Белого и Р. Штайнера состоялась весной 1912 г., когда поэту было уже за тридцать), и это была, по его словам, «встреча со СВЕТОМ ТЕПЛА», ощущение «ясности зрения», разумеется, зрения мистического. В Рудольфе Штайнере, «внутреннем учителе», раскрывался педагог, «незаметно окрыляющий ученика свободой и непредвзятостью; и тут педагог сливался с мыслителем...» [1, с. 146]. Благодаря Р. Штайнеру А. Белый «понял ВПЕРВЫЕ себя» и «понял ВПЕРВЫЕ Иисуса» [Там же, с. 318]. М. Волошин никогда не считал Р. Штайнера своим непосредственным учителем и не погружался с головой в бездны антропософского учения. Его духовно-религиозные «блуждания» пересекались с «личностью доктора Штайнера» («...Ты встречный, ты иной, / Но иногда мне кажется, / Что ты – / Я сам») и терялись в «пути усталости». А. Белый, как человек более страстный, полностью отдаётся духовной науке, становится адептом Доктора и его «сокровенных знаний». «Инопланетный гастролёр» или, по выражению Д. Мальмстада, «исследователь неведомых земель обрётённой реальности», Андрей Белый назвал «антропософский» период своей жизни (наиболее интенсивный – в 1912–1916 гг.) более богатым, «чем вся жизнь “до” и вся жизнь “после” (в событиях внутренних и странных)» [4, с. 342].

М. Волошин воспринимал антропософские постулаты на уровне сознания или подсознания, холодно-отстранённо. Эзотерические увлечения не затрагивали его психо-физической природы. А. Белый в «Материале к биографии (интимном)» вспоминает о своих случаях «выхожения из себя (когда я, не засыпая, чувствовал, как выхожу из тела и нахожусь в астральном пространстве)» (январь 1918), ощущения себя «точно беременной женщиной, которой надлежит родить младенца... “Я” большое», «вхождения в Дух». В записях от 30 декабря 1913 г. А. Белый вспоминает, что на лекциях Р. Штайнера об «аполлоновом свете» произошло чудо: «Мне показа-

лось, что сорвался не то мой череп, не то потолок зала и открылось непосредственно царство Духа: это было, как если бы произошло Сошествие Св. Духа; всё было – свет, только свет <...> когда я двинулся с места, я почувствовал как бы продолжение своей головы над своею головой метра на 1 ½; и я чуть не упал в эпилепсию <...> Духовные миры как бы опустились на нас <...> весь день и всю ночь длились для меня духовные озарения...» [4, с. 346, 363, 364].

М. Волошин воспринимал антропософию как «человекопознание – анатомию души и духа, то есть выявление высшей мудрости, заложенной в формы жизни». Разумеется, далеко не всё здесь представляется ясным и самоочевидным. Даже близко знавшая поэта Марина Цветаева, называя Макса «знающим», «пантеистом», «гётеянцем», не пыталась нащупать «мост к его штейнерианству, самой тайной его области», о которой она ничего не знала, «кроме того, что она была, и была сильнее всего» [3, с. 262]. Так или иначе, без учёта антропософского мировоззрения невозможно полноценно воспринять стихи Волошина «Сатурн» (1907), «Солнце» (1907) «Луна» (1907). Отголоски штайнеровских теорий ощутимы в стихотворениях «Кровь» (1907), «Грот Нимф» (1907), более поздних – «Пещера» (1915), «Материнство» (1917), «Подмастерье» (1917) и – в той или иной мере – во многих других поэтических опытах. Даже в 1919 году, в Одессе, М. Волошин будет вызывать своими антропософскими парадоксами ироническое подтрунивание И. Бунина.

Рудольф Штайнер и его последователи считали, что человек в своей стадии земного воплощения является промежуточной фазой эволюции его духовного «я». Кроме физического мира, доступного чувственному восприятию, существуют и другие сферы. Материальный мир представляет собой лишь сгущение элементов этих сфер. Материя вторична, она возникла и развилась из духа. Это же можно сказать и о земном шаре. Прежде чем дойти до своей нынешней стадии, он проходил через три фазы телесного воплощения, перемежаемой состоянием чистой духовности. Первое планетарное воплощение Земли – Сатурн (Сатурническая стадия), второе – Солнце, третье – Луна. Без знания этой антропософской концепции невозможно даже приблизиться к восприятию стихотворений Волошина «Сатурн», «Солнце» и «Луна».

Одним из наиболее показательных в этом плане представляется сонет «Сатурн». Здесь открывается целая галерея образов антропософской космогонии: и почти что духовное состояние Земли на первой стадии своего существования (у Волошина – сгущение звёздного сока), и представление Штайнера о том, что в космическом становлении человека участвуют духи воли («творящих числ и волю мерцающий поток»), и то, что Земля и нечто, предшествующее человечеству, состояло сначала из «воли», потом из «тепла», наконец, из «света» («мерцающий поток») и «звука» («живые ткани тел, но тело было звук»). Не случайно очень высоко ценила этот сонет А. Р. Минцлова. Сразу же после его написания в апреле 1907 года она написала поэту письмо, в котором просила его рассказать о Сатурне – «о том Сатурне, где витали – не люди ещё, нет! Но призрако-люди...» [2, с. 409].

Андрей Белый несколько позднее в своих поэтических и прозаических опытах пытается зафиксировать символы своих «духовных узваний», зарисовать «жизнь ангельских иерархий на Луне, Солнце, Сатурне в связи с человеком», видя в этом человеке себя и воспринимая «иерархии» как «звучащие образы». Работая в 1911–1913 гг. над романом «Петербург», А. Белый прямо или косвенно передавал героям этого произведения свой антропософский опыт. В частности, перерождение Николая Аблеухова обусловлено его тягой в «астральные миры, космическую безмерность», осознанием жизни как «круговращения бытия». Подобно М. Волошину, А. Белый соотносит истинную «родину» человека с космическими мирами, а

его судьбу – с движением светил. Тело воспринимается как «ненужный балласт», отбросив который, можно отлететь от земли в «мировые безмерности», услышать кипение «Сатурновых масс».

Сообщая М.В. Сабашниковой о задуманных стихах «планетного» цикла, Волошин, в частности, пишет: «При разрыве с каждой планетой бывает страшная трагедия, которая и заложена в той стихии, которая выработалась на этой планете. Кровь – трагедия Сатурна. Зрение и ощупь – трагедия Солнца. Пол – трагедия Луны». И ещё: «...кровь возникла на той планете, что была древнее Солнца...». Человеческий дух сопричастен тайнам вселенной. Кровь также «знает больше человека» [2, с. 409]: «И мысль рванулась... и молчит. / На дне глухая кровь стучит... / Стучит – бежит... Стучит – бежит... / Слепой огонь во мне струит. / Огонь древней, чем пламя звезд, / В нём память тёмных, старых мест...». С антропософской точки зрения прочитываются и финальные, несколько загадочные строки стихотворения «Кровь»: «Зачем во тьму кровосмешений, / К соприкосаньям алых жал / Меня – Эдипа, ты послал / Искать зловещих откровений?»

«В жизни человеческий Дух, – пишет Р. Штайнер в книге «Теософия», – является повторением самого себя, с плодами своих прежних переживаний в прошлых жизнях» [6, с. 58]. Эта взаимоотношительная связь земных воплощений в чём-то сродни индийской карме. Её-то, этот закон, определяющий цикл телесных воплощений, очевидно, и имеет в виду поэт, уподобляя его античному року, а самого себя – Эдипу, брошенному в мир зловещих предопределений.

Антропософско-мистические настроения М. Волошина с наибольшей полнотой проявляются в венке сонетов «Corona Astralis» (1909). Здесь и уверенность поэта в своих духовных возможностях и «замирание» духа перед тайнами космоса и вечности («ужас звёзд»), и потребность в контактах с астральными мирами («Иных миров к себе нас манят светы»), и ощущение вселенной внутри себя: «Гробница Солнц! Миров погибших Урна! / И труп Луны, и мёртвый лик Сатурна / Запомнит мозг и сердце загаит... // В крушеньях звёзд рождалась мысль и крепла. / Но дух устал от свеянного пепла, – / В нас тлеет боль внежизненных обид!» У А. Белого: «Мы – ослеплённые, пока в душе не вскроем / Иных миров знакомое зерно. / В моей груди отражено оно. / И вот – зажгло знакомым, грозным зноем...» («Воспоминание», 1914).

«Боль внежизненных обид» отсылает нас к образу Эдипа из стихотворения Волошина «Кровь». Здесь – та же расплата души за прожитые когда-то жизни, инспирируемая кармическим роком. Память Серого ангела (как охарактеризовал М. Волошина В. Бетаки) не может быть поколеблена «крещением» в Лете, дающей забвение. Она вбирает в себя не только прошлые жизни души, но и («мы помним всё...») фрагменты дочеловеческого бытия: «бег планет» и «мысль земли» («В крушеньях звёзд рождалась мысль и крепла, / Но дух устал от свеянного пепла...»). Спустя четыре года А. Белый словно бы откликнется М. Волошину стихотворением «Антропософам», используя ключевые символы «Corona Astralis»: «Мы взлетаем в мирах неразвезанный прах. / Угрожаем обвалами дремлющих лет; / В просиявших пирах, в набежавших мирах / Мы – летящая стая хвостатых комет».

По большому счёту, Андрей Белый остался верен антропософии и в последующие годы, даже в тяжелейших условиях Советской России. В своём поэтическом творчестве он пытается не только выразить «любви невыразимой знанье», но и осознать – вслед за Волошиным и опираясь на Штайнера – законы «творящих числ и воль»: «Открылось мне: в законах точных числ, / В бунтующей, мыслительной стихии – / Не я, не я – благие Иерархии / Высокий свой запечатлели смысл» («Дух», 1914). В стихотворении «Асе» (1916), посвящённом А.А. Тургеневой, его сподвижнице в антропософских исканиях, слышатся мотивы, созвучные образам из

волошинского цикла стихов «Когда время останавливается» (1903–1905), а также – стихотворения «Кровь»; впрочем, ощущаются и отсветы мечты о Прекрасной Даме: «Бегом развёрнутых крылий / Стала крылатая кровь; / Давние, давние были / Приоткрываются вновь. // В давнем – грядущие встречи; / В будущем – давность мечты: / Неизреченные речи, / Неизъяснимая – Ты!» У Волошина: «В безднах скрывается новое дно. / Формы и мысли смесились. / Все мы уж умерли где-то давно. / Все мы ещё не родились».

В 1918 г. в Москве, в условиях, отнюдь не способствующих мистическим озарениям, А. Белый создаёт три стихотворения под одним и тем же названием: «Антропософии» (тогда же было написано «Сестре антропософии»), а за пять лет до этого – стихотворение «Антропософам», кстати, посвящённое приверженнице антропософского учения М. Сабашниковой, всё ещё – официальной жене М. Волошина). Во втором стихотворении (согласно композиции книги «Звезда»; по хронологии – первом) обращают на себя внимание такие строфы: «Нас соплетает солнечная мощь, / Исполненная солнечными снами... / И наши души, как весенний дождь, / Оборвались слезами между нами. // ...И “ты” и “я” – перекипевший сон, / Растаявший в невыразимом свете... / Мы встретились – за гранями времён / Счастливые, обласканные дети...». Здесь и весьма традиционный для символистской поэтики начала XX века образ Солнца («солнечная мощь» как объединяющее, созидющее, животворное начало), вполне «антропософский» выход за «границы времён» (время, отмеченное смещением пластов) и столь характерный как для Белого, так и для Волошина мотив сновидения, в котором по-своему «проигрывается» история человечества да и конкретных людей – продолжающаяся «за гранями времён».

Доктор Штайнер, по воспоминаниям А.А. Тургеневой, «старался указать нам в лекциях на те силы, которые стоят за историческими событиями...» [5, с. 77]. Андрей Белый ощущает судьбу России развёрстой «Туда, – в развалы грозной эры / И в визг космических стихий, – / Туда, – в светлеющие сферы, в грома летящих Иерархий» («Родине», 1916). М. Волошин в стихотворениях из книги «Anno Mundi Argentis 1915» с присущей ему лёгкостью объединяет языческо-мифологическую образность с библейской символикой. При этом порой ощущается связь с конкретной топонимикой, с реальными событиями. Так, например, в стихотворении «Пролог» (которое мыслилось поначалу как «пролог» ко всему «военному» циклу) есть строка: «И на замок небесных сводов...». Здесь – недвусмысленное уподобление расположенного в горах Дорнаха Небесному Иерусалиму, куда «на великую и высокую гору» ангел вознёс Святого Иоанна «в духе» (Откр. XXI: 10). Загадочный стих «На землю кинул он ключи» воспринимается как контаминация образов из Апокалипсиса: ангел, имеющий «ключ от бездны» (XX: 1) и «кладёзь бездны», из которого вышла чудовищная саранча (IX: 1–10). Основные доминанты творчества Волошина постепенно сводятся к апокалиптическому восприятию событий, которое обострится в годы революции и гражданской войны.

Андрей Белый воспринимает революцию с мистическим экстазом. Он ощущает в ней мятежную очистительную силу, сродни природным катаклизмам. Революция вызывает «моря неизливаемые слёз», но ведь существует христианское утешение («Лучом безглагольного взора / Согреет сошедший Христос»). Кроме того, согревает вера в высшее предназначение России, её главенствующую роль в будущих судьбах человечества: «И ты, огневая стихия, / Безумствуй, сжигая меня, – / Россия, Россия, Россия – / Мессия грядущего дня!» («Родине», 1917). А. Белый воспринимает историю извне, с позиции антропософской мудрости, через некий синтез возвышенной скорби и софийного всеприятия: «Не плачьте: склоните колени / Туда – в ураганы огней, / В грома серафических пеней, / В потоки космических дней» («Родине», 1917). Россия, по Белому, это «безумное дитя» в «летающей стихии». Пусть

мир рушится «в столбах громового огня». Его возрождение неизбежно: «гробовая пелена» истории уже распадается под взглядами «Небесной Жены»: «И оперяясь из весны, / В лазури льются иерархии; / Из лёгких крылий лик Жены / Смеётся радостной Россией» («Младенцу», 1918). В поэме «Христос воскрес!» (1918) социальная революция представлена как проявление мировой мистерии мученического движения человечества в духовно преображённый всеобщим страданием и жертвенной кровью обновлённый мир, озаменованный христовым воскресением.

В поэзии Волошина второй половины 10-х годов мы не находим космического преображения мира в результате воскресения Господня. Есть соотношение России с рабским видом Христа («Россия», 1915); возникает и другая параллель: уподобление России бесноватому, которого исцелил Сын Человеческий («Русь глухонемая», 1918). Есть «во Христе юродивая Русь» («Святая Русь», 1917), однако – нет её устремления «в грома летящих иерархий». От антропософского символа Христа Иисуса, «Солнечного духа», свершившего на земле «мистерию Голгофы», Волошин пришёл к восприятию православного Образа, как правило, открыто не называемого, однако вызывающего ассоциации с «распятой» Россией.

Список литературы

1. Белый А. Воспоминания о Штейнере. Paris : La Presse Libre, 1982. 388 с.
2. Волошин М. Стихотворения. М. : Книга, 1989. 543 с.
3. Воспоминания о Максимилиане Волошине / сост. В. П. Купченко, З. Д. Давыдов. М. : Сов. писатель, 1990. 720 с.
4. Минувшее : исторический альманах. № 6. М. : Феникс, 1992. 504 с.
5. Тургенева А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума. М. : Новалис, 2002. 160 с.
6. Штейнер Р. Теософия: Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека. Ереван : Ной, 1990. 160 с.

ANTROPOSOPHIC MOTIFS IN THE POETRY OF MAXIMILIAN VOLOSHIN AND ANDREY BIELY

S. M. Pinaev

Peoples' Friendship University of Russia
the Department of Russian and Foreign Literature

The author studies the repeated motifs and symbols, structure and esoteric meaning of several poems by M. Voloshin and A. Biely. The main attention is paid to antroposophic inclinations which for some time drew together the artistic worlds of two poets.

Keywords: *antroposophy, symbol, esoteric, universe, spirit, history.*

Об авторе:

ПИНАЕВ Сергей Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов (117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6) e-mail: serpinaev@mail.ru.

About the author:

PINAEV Sergey Mikhaylovich – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (117198, Moscow, Miklukho-Maklay str., 6), e-mail: serpinaev@mail.ru.